
ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ МАРОККО

Л.В. Пономаренко, О.С. Чикризова

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется влияние ислама на внутреннюю политику Марокко, становление и развитие марокканской политической системы. Авторы подробно останавливаются на деятельности умеренных и радикальных исламистов в Марокко, выделяя причины непопулярности радикальных идей среди марокканцев.

Ключевые слова: Марокко, ислам, внутренняя политика, исламизм, терроризм, политические партии.

Подъем фундаменталистского ислама в арабо-мусульманском мире в целом и государствах Северной Африки в частности был обусловлен как внутренними, так и внешними факторами. Общим явлением, характерным для ситуации в Северной Африке 1980-х гг., было обострение социально-экономических проблем. Исламистские концепции в значительной мере отражали протест неимущих слоев населения, которые искали в религии защиту от бездействия властей в условиях сильнейшего социально-экономического кризиса. Однако внутренние причины распространения исламизма для каждой страны Магриба свои, они формировались с учетом исторических особенностей, национальных и культурных традиций, уровня грамотности населения и уровня экономического и политического развития, а также особенностей национального характера.

Марокко занимает особое место среди североафриканских государств, поскольку в этой стране король является одновременно и верховным правителем, то есть главой светской власти, и «повелителем верующих» (Амир аль-му'минин), то есть высшим духовным лицом государства. Помимо этого марокканский правитель является прямым потомком пророка Мухаммада. Но несмотря на это, а также на фактическую неразделенность ислама и политики, светского и духовного, в Марокко очевидна доминанта светской власти.

Что же касается внешних факторов, то важнейшим из них была исламская революция в Иране 1978–1979 гг., в результате которой был свергнут режим шаха, пытавшегося провести в Иране модернизацию в соответствии с западными стандартами. События в Иране послужили своеобразным импульсом для распространения и экспансии исламистских концепций в му-

сульманском мире, даже несмотря на то, что шиитская догматика «хомейнизма» значительно отличается от суннитского «исламского проекта».

Вторым внешним фактором, спровоцировавшим политизацию ислама в Северной Африке, стала гражданская война в Афганистане (нач. в 1979 г.). Тысячи мусульман со всего исламского мира примкнули к движению «муджахидов» (борцов за веру) в борьбе против афганского правительства, которое стремилось повести Афганистан по пути социалистического развития.

Третьим фактором стало участие США и Саудовской Аравии в становлении исламистского движения. В условиях биполярного противостояния Соединенные Штаты, пытаясь ослабить своего главного конкурента – СССР, оказывали всестороннюю поддержку радикальным организациям исламского толка, которые готовили бойцов для отправки в Афганистан и противостояния советским войскам. Важно отметить, что в настоящее время эти бойцы (которых часто в прессе и исследовательской литературе именуют «афганцами») составляют костяк большинства террористических и радикальных экстремистских организаций исламского толка, с которыми США борются в рамках развернутой в 2001 г. «войны с терроризмом».

К основным факторам роста влияния ислама в Марокко можно отнести кризис этатистской модели общественно-политического и экономического развития, а также рост социальных контрастов в обществе. Несмотря на экономический рост, его плодами не смогла воспользоваться значительная часть населения: сохраняются обширные ареалы бедности, целые регионы Марокко не могут пользоваться благами экономического развития.

Кроме того, постоянно увеличивается, в особенности среди молодежи – наиболее массовой и динамично растущей возрастной группы населения, – разочарование результатами социально-экономической политики марокканских властей.

Для Марокко также характерно такое явление, как «дипломированные безработные»: так называют выпускников университетов, которым не удалось найти работу. По статистике, ежегодно марокканские университеты выпускают до 500 тыс. дипломированных специалистов, из которых только 10% находят постоянную работу в течение первого года (1). Остальные 90% могут на протяжении нескольких лет оставаться невостребованными на рынке труда. При этом возраст, высокий уровень образования и интернет-грамотности, а также приверженность идеям левых и исламистских партий, традиционно имеющих сильное влияние в марокканских университетах, обуславливает высокую социальную активность данной группы населения.

Развитие такого общественно-политического явления, как политический ислам, шло практически в каждой мусульманской стране по трехступенчатой схеме: оно вышло из мечетей и университетов, проследовало через арабскую деревню и деревенские мечети с тем, чтобы в конечном итоге завоевать беднейшие кварталы арабских городов и превратиться в массовое политическое движение, нередко угрожающее стабильности существующих правящих режимов.

Марокканский вариант взаимодействия ислама и политики обладает целым рядом специфических черт. Во-первых, географически Марокко находится на периферии исламского мира, однако именно Марокко является своеобразным мостом между Европой и Африкой, Европой и арабским миром. Во-вторых, на политическом процессе в Марокко не могло не отразиться соседство с Алжиром, который был превращен в главный театр боевых действий между радикальными исламистами и сторонниками светского государства.

Наконец, спецификой марокканского варианта является тот факт, что подъем исламизма в данном государстве был связан, в первую очередь, не с политическими, а с экономическими причинами – острым социальным неравенством, урбанизацией, высоким уровнем безработицы.

Политические причины, такие, как низкий уровень политической культуры беднейших слоев общества, незначительность влияния оппозиции и ограничения некоторых политических прав и свобод, оказали второстепенное воздействие на процесс возникновения радикальных исламистских течений в Марокко.

Движение марокканских исламистов в современном виде появилось в начале 1970-х гг. и было сразу же расценено властями в качестве весьма серьезной угрозы стабильности страны. Первой жертвой исламистов, которыми, как отмечает В.В. Куделев, негласно руководили спецслужбы, стал лидер марокканских левых Омар Бенджеллун. Он был убит в 1973 г. боевиками Движения исламской молодежи.

В этот период все подобные радикальные организации находились под запретом. Тем не менее, власти не раз использовали исламистов, стравливая их с левыми. Более того, чтобы «выпустить пар» исламистского движения, марокканское руководство поощряло отъезд наиболее радикально настроенных деятелей в Афганистан (2).

Хасан II (1961–1999 гг.) также боролся против исламистов с помощью структур официального духовенства. 1 февраля 1980 г. король учредил региональные советы улемов и Высший совет улемов, который сам возглавил.

В функции региональных советов входило укрепление связей с губернаторами и службой безопасности, борьба с фундаменталистской идеологией, поддержка политики властей и ее объяснение с точки зрения религии. Правительство разрешило региональным советам иметь собственные бюджеты, приглашать улемов из других стран. Студенты-богословы стали получать стипендии для обучения в университетах других арабских стран.

Вместе с тем, расширив свободы духовенства, правительство ужесточило контроль над ним. В 1984 г. было принято решение о том, что проповеди могут произносить только имамы мечетей и проповедники, находящиеся на государственной службе, а министерству внутренних дел поручалось утверждение назначений имамов, а также ознакомление с текстами проповедей (3).

К началу 1990-х гг. в Марокко насчитывалось порядка 30 исламистских организаций. В этот период главным и весьма убедительным аргументом

марокканских властей было: исламистов в Марокко нет, потому что их просто не может быть в стране, где верховную религиозную власть осуществляет монарх, являющийся к тому же потомком пророка. Однако несколько демонстраций, организованных исламистами, и, в частности, выступления в поддержку Ирака в его вторжении на земли Кувейта, показали, насколько аргументация властей далека от истины. Тогда официальные СМИ и власти начали убеждать население в том, что исламистам Марокко не свойственно насилие. Публикации об исламистах, дающие понять, что Марокко может последовать по пути Алжира, могли привести к уменьшению потока въезжающих и тем самым сократить валютные поступления, связанные с туризмом. Однако более важным является то, что одним своим существованием исламисты в определенной степени ставили под сомнение прерогативу монарха, являющегося по конституции верховным предводителем правоверных (4).

После смерти в 1999 г. короля Хасана II его сын, король Мухаммед VI, взял курс на либерализацию и демократизацию общественно-политической жизни Марокко. Больше свободы и возможностей получили политические партии и движения.

Началась реализация комплекса мер по борьбе с коррумпированностью чиновников, однако проблему коррупции, являющуюся «бичом» большинства арабских стран, новому монарху решить так и не удалось.

В этой связи важно подчеркнуть, что коррумпированность и неэффективность государственного аппарата, всевозможные злоупотребления и нарушения властей в центральном аппарате и на местах используются исламистами для пропаганды своей программы. Они предлагают заменить скомпрометировавший себя режим на «исламское государство», построенное на базе законов Корана и шариате. Только так, по мнению исламистов, можно добиться установления в Марокко подлинной «исламской социальной справедливости» (5). В условиях продолжающегося социально-экономического кризиса, роста безработицы и падения уровня жизни большинства населения на фоне обогащения элиты исламистские лозунги получили достаточно широкую поддержку марокканского населения.

Мухаммед VI, с одной стороны, продолжил курс своего отца, но с другой, пытаясь осуществить модернизацию экономики и провести демократизацию и обновление государственного аппарата, он инспирировал «революцию сверху», затрагивавшую все органы государственной власти, в том числе армию и правоохранительные органы. Так, все люди, назначаемые на высшие руководящие посты, проверялись на соответствие так называемой «схеме Мидауи» – системе отбора, разработанной ближайшим помощником монарха Ахмедом Мидауи. Схема включала два основных критерия – высокие морально-нравственные качества (честность, неподкупность) и профессионализм, подтвержденный безупречной службой на предыдущих местах работы (6).

В начале 2000-х гг. развитие исламистского движения в Марокко определялось двумя основными тенденциями: быстрой радикализацией отдель-

ных исламистских групп и достаточно сдержанной политикой фундаменталистских организаций.

Столкнувшись с дилеммой относительно того, включать исламистов в политическую жизнь страны или запретить их деятельность, марокканский правитель Мухаммед VI стал следовать «двунаправленной стратегии»: он поощрял исламистов, не использующих насильственные методы и поддерживающих монархию, преследуя при этом сторонников салафизма.

Важно подчеркнуть, что исламистским партиям в Марокко позволяют участвовать в выборах только в случае их согласия соблюдать три условия: поддержка монархии, конституционализм, ненасилие (7).

В настоящее время целый ряд исламистских групп и движений, местных и иностранных, развернули активную деятельность в Марокко. Однако, в отличие от других мусульманских государств, исламизм в Марокко достаточно разрознен.

Умеренные исламистские партии и движения

«Ат-Таухид валь-Ислах» («Единобожие и реформы»). «Единобожие» – это образованный в 1996 г. союз движения «Аль-Ислах ват-Тадждид» («Реформы и обновление») с Лигой исламского будущего. В свою очередь, «Аль-Ислах ват-Тадждид» было сформировано А. Бенкираном после отделения от милитаристской «Организации исламской молодежи», которая добилась статуса религиозной организации в 1972 г. в рамках правительственной программы противопоставления исламистов левым.

«Исламская молодежь» постепенно начала приобретать черты радикальной группировки. На нее пали подозрения в убийстве ряда чиновников высшего ранга. Кроме того, ее члены распространяли антимонархические призывы, которые, в частности, содержались в журнале «Аль-Муджахид», тайно распространяемом в Марокко. Так, например, в редакционной статье первого номера под заголовком «Включайся в борьбу, революционная исламская молодежь!» содержалось следующее заявление: «Наше настоящее и будущее находятся между молотом американского империализма и наковальной его агентов, представленных коррумпированным монархическим режимом и теми, кто его поддерживает» (8). В результате из-за опасного характера деятельности «Исламской молодежи» в 1975 г. организация была вновь объявлена вне закона.

Движению «Единобожие и реформы» было разрешено действовать на законных основаниях, поскольку монарх был уверен в том, что позволение исламистским партиям принимать участие в политическом процессе может предотвратить возникновение радикального исламизма на территории Марокко (9).

Целью «Ат-Таухид» было достижение легитимности и превращение в весомую политическую силу. Однако в результате длительного внутреннего кризиса и отказа марокканского короля признать партию в 1996–1997 гг. «Ат-Таухид» начала переговоры с Конституционно-демократическим движением, и в конечном итоге вошла в его состав. Последнее, в свою очередь, в 1998 г. было переименовано в «Партию справедливости и развития»

(ПСР). В настоящее время основной костяк «Ат-Таухид» формирует так называемое «политическое крыло» ПСР (10).

«Справедливость и благочестие» – самая влиятельная среди исламистских организаций в Марокко.

Движение «Справедливость и благочестие» (СБ) было создано в 1988 г. и стало самой непримиримой политической и религиозной силой в Марокко. Не признаваемая легитимной, СБ завоевывала все больше сторонников, играя роль единственного воинствующего исламистского движения, бросающего вызов монархии (в том числе выступая за ее свержение), а также используя широкомасштабную сеть социальных и благотворительных организаций.

«Справедливость и благочестие» попала в немилость к правящему режиму после того, как ее лидер шейх А. Яссин в 1974 г. послал королю Хасану II открытое письмо «Ислам или потоп», в котором подвергались сомнению авторитет монарха и его право быть «повелителем правоверных». Письмо насчитывало 144 страницы, и многие исследователи увидели в этом параллель с количеством сур Корана, которых также 144 (11). В 1984 г. А. Яссин был отдан под суд и приговорен к домашнему аресту. Приговор действовал до 1989 г. В следующем году СБ была официально объявлена вне закона в соответствии с запретом, который продлевался до тех пор, пока не был смягчен нынешним правителем, Мухаммедом VI, в 2004 г. Дочь шейха Яссина, Надия Яссин, в настоящее время является главным политическим лидером организации.

СБ выступает за восстановление исламского законодательства, но в то же время доказывает свою преданность демократическим принципам, стремясь определить себя как политическое движение, борющееся с авторитарной политической системой Марокко. Так, например, в вопросе о следовании женщинами канонам исламского «дресс-кода» СБ высказывает довольно умеренную позицию, отказываясь признать необходимость введения обязательства для женщин носить чадру. «Вера и религия – вопрос свободного выбора, а не принуждения» (12), – заявляет Н. Яссин.

Главной целью своей организации А. Яссин провозгласил строительство Халифата по модели пророка Мухаммада. Подобное построение мусульманского общества, по его мнению, является высшей ступенью исторической и духовной эволюции исламского общества. Однако созданию Халифата должно предшествовать объединение всех исламских государств (13). При этом шейх Яссин акцентирует внимание на том, что «приход исламской власти [в Марокко] будет осуществлен демократическим путем, а не с помощью исламского землетрясения, как это было в Иране» (14).

А. Яссин немало критики направляет в адрес современных политических партий Марокко. По его мнению, они не имеют влияния в обществе.

«Справедливость и благочестие» выступает за разрушение нынешней конституционной системы Марокко и уничтожение монархии, место которой, согласно предложению СБ, должна занять Исламская Республика Ма-

рошко. А. Яссин выступает за многопартийную систему, принципы сменяемости руководства и разделения властей, но в весьма своеобразной манере: предлагаемая им система государственного устройства в целом напоминает иранскую, однако руководство обществом в модели Яссина осуществляется не высшим духовным лидером, а коллегиально.

СБ открыто критикует короля Мухаммеда VI, находясь в постоянном конфликте с марокканским правительством. Тем не менее СБ выступает против использования насилия и вооруженной борьбы, предпочитая опираться на гражданское неповиновение для достижения своих целей.

Данные о степени поддержки СБ среди населения хранятся в строжайшем секрете как самой организацией, так и марокканским правительством, хотя большинство аналитиков считает, что эта поддержка является следствием деятельности широкой сети благотворительных и социальных организаций (15).

Составляя серьезную оппозицию марокканскому правительству внутри страны, в 1996 г. СБ решила также «экспортировать» свою деятельность в Европу. Была создана Ассоциация мусульманского партнерства и духовности, имеющая филиалы в большинстве европейских столиц, и во главе этих филиалов стоят активисты СБ, бежавшие из Марокко. Цель Ассоциации – сформировать оппозицию марокканскому королю и его правительству посредством политической деятельности, которая позволит СБ получить легальный статус внутри Марокко. Филиалы ассоциации во Франции и Бельгии регулярно организуют демонстрации против Марокко. Надия Яссин также систематически посещает Францию, чтобы заявить о репрессиях в отношении членов СБ. 17 июня 2006 г. она создала ассоциацию «Новая европейско-марокканская дружба», которая расположена в Бельгии. Ассоциация созвала конференцию на тему «Права человека, попираемые в Марокко». В последующие годы Н. Яссин совершила несколько туров по Европе с целью укрепить присутствие Ассоциации на Европейском континенте (16).

Партия справедливости и развития (ПСР). Для того чтобы сделать разнообразным исламистское движение в Марокко, король Хасан II санкционировал создание новых политических движений, которые включали в себя исламистскую ориентацию. Самой значимой была Партия справедливости и развития, которая заимствовала исламские ценности и вдохновение у одноименной партии Турции (хотя между этими двумя партиями официально нет никакой связи).

Основанная в 1967 г. и первоначально названная Конституционно-демократическим общественным движением (КДОД), ПСР сменила свое название в 1998 г. В том же году движение формально слилось с небольшой умеренной исламистской организацией, включающей в себя консервативных промонархически настроенных политиков. В отличие от СБ, ПСР является политической партией, которая участвует в парламентских выборах с 1997 г.

В 2002 г. ПСР стала ведущей оппозиционной партией в стране, получив 42 из 325 мест в марокканском парламенте и став третьей по численности

группой в законодательных органах страны. На законодательных выборах в 2007 г. ПСР набрала наибольший процент голосов избирателей (10,9% на местном уровне и 13,4% в национальном списке). В результате ПСР получила 46 мест всего в Палате представителей, увеличив в целом свое присутствие во власти на 4 места по сравнению с 2002 г. (17).

В отличие от СБ, ПСР – это неревOLUTIONционное промонархическое движение, которое не подвергает сомнению конституционную систему Марокко. ПСР не выступает за создание исламского государства, или халифата, в Марокко. Более того, партия намеренно приглушает религиозную риторику в своих выступлениях. Тем не менее, она видит себя защитницей исламской идентичности и консервативных религиозных традиций Марокко, борется против дальнейшей вестернизации марокканского общества, но прагматично признает важность отношений Марокко с Западом. ПСР также считает себя оплотом борьбы против радикальных исламистских групп (18).

Участвуя в выборах в 2007 г., ПСР получила общественную поддержку в Марокко, достаточно хорошо укрепив свои позиции в рамках политического процесса: она балансировала между участием в законодательных делах и поддержкой исламской повестки дня. Кроме того, авторитет ПСР подкреплялся тем, что партия не была замешана в государственной коррупции, в отличие от большинства политических партий Марокко, причастных к коррупционным скандалам.

В последние годы ПСР в законодательных органах сфокусировала свое внимание на улучшениях в значимых для Марокко социальных и экономических вопросах. Однако поскольку ПСР является оппозиционной партией, ее рычаги влияния на текущую политику ограничены минимальной возможностью переводить свои предложения в значимые программы, которые могли бы получить широкую общественную поддержку.

Тем не менее, сделав ядром своей предвыборной программы 2007 г. пути решения экономических проблем марокканского народа, ПСР «отрезала» себя от большинства арабо-исламских движений, видящих своей главной целью воссоздание Халифата.

Кроме того, используя прагматичный подход, ПСР, по словам политолога А. Хамзави, «показала себя как дисциплинированного игрока современного политического движения» (19) и доказала, что она стремится к не показательной демократии, а на практике использует демократические принципы в своей деятельности, что нетипично для большинства исламистских движений.

В 2008 г. на съезде партии ПСР обнародовала свою платформу, в которой главными приоритетами объявлялись «социальная справедливость, экономическое и социальное развитие». Платформа ПСР основывалась на программе и практическом опыте одноименной турецкой партии, пришедшей повторно к власти незадолго до означенного съезда.

Неясность в вопросах ислама и религии поднимает вопросы о том, является ли целью ПСР дальнейшее распространение экстремизма. В 2006 г.

Служба исследований конгресса подвергла анализу программу ПСР, в ходе которого пришла к следующему выводу: «Как и многие исламистские группы по всему миру, трудно понять истинные цели ПСР и ее задачи на долгосрочную перспективу. Некоторые считают, что, хотя эта партия согласна работать в рамках действующей политической системы, она сохраняет приверженность установлению исламского государства в Марокко с шариатом в качестве законодательной основы» (20).

Риторика ПСР в парламенте время от времени прибегает к чисто шариатским инициативам, таким, как запрет потребления и продажи алкоголя, осуждение СМИ за искажение исламских принципов.

Однако в других случаях ПСР отклоняется в противоположном направлении. Например, в 2004 г. партия активно участвовала в принятии нового, более либерального кодекса «Мудавана», регулирующего процедуру заключения брака и семейную жизнь. Пересмотр кодекса значительно улучшил социальный статус женщины в Марокко, но был осмеян более консервативными исламистами. Лидер ПСР, Саад ад-Дин Османи, отстаивающий поправки, вносимые в кодекс по предложению ПСР, утверждал, что вносимые поправки согласуются с исламскими традициями.

Перспективы участия в парламентских выборах вынудила умеренных исламистов осудить на словах насилие в любой его форме, при этом констатируя, что теракты 11 сентября 2001 г. в США стали «результатом американской политики агрессии против народов». Следуя этому курсу, позднее СБ и ПСР подчинились дважды вынесенному запрету властей на проведение массовых манифестаций против американской военной операции в Афганистане. Более того, они никак не отреагировали на фетву группы улемов, осудившую присоединение Марокко к антитеррористической коалиции (21). На действия радикально настроенных улемов обратили внимание официальные власти, которые выступили с предупреждением о том, что в стране согласно конституции только монарх как верховный предводитель верующих имеет право выступать с фетвами.

Важно отметить, что умеренными ПСР и СБ могут называться с большой натяжкой. Это подтверждает следующий факт. В заявлении для газеты «Ат-Таджид» один из теоретиков идеологии ПСР Хасан Кеттани заявил, что «поддержка любого мусульманина, борющегося против неверных, является религиозным долгом» (22), и тем самым он фактически оказал моральную поддержку своим единомышленникам из радикальных организаций.

Радикальные исламисты в Марокко

«Ас-Салафия аль-Джихадийя» («Салафитский джихад») считает необходимым расправляться со всеми марокканцами, которых она считает «неверными».

Своими главными идеологическими противниками последователи салафизма считают «продажных улемов», действующих заодно с официальными властями, «Братьев-мусульман», которые, по их мнению, слишком вольно

трактуют священные тексты, а также «официальных исламистов» типа последователей и сторонников ПСР.

Группировка «Ас-Салафийя» уже достаточно давно действует в Марокко. В начале 2000-х гг. она вышла из тени, так как ее руководство посчитало, что в тот момент государство было ослаблено, как никогда.

Также известно, что «Ас-Салафийя» является отнюдь не единственной группировкой на экстремистском фланге марокканского исламистского движения. Другой такой организацией стала «*Ат-Такфир валь-Хиджра*» – дочерняя организация одноименной международной исламистской структуры радикального толка (23). Завербованные в эту группу марокканцы были обязаны прервать все контакты с обществом и государством, в том числе с собственными семьями. Им запрещалось фотографироваться, поддерживать отношения с лицами, признанными «неверными», а также оформлять какие-либо документы в официальных государственных структурах. Последний фактор делал их «невидимыми» для спецслужб и обеспечивал их фактически полное бессилие перед «Ат-Такфир».

В ходе боевых операций активисты «Ат-Такфир» используют специальные средства маскировки, что делает невозможным их идентификацию потерпевшими или свидетелями. Боевые формирования организации (как, впрочем, формирования большинства радикальных организаций) пользуются высокой степенью автономности относительно руководящих структур, что значительно повышает безопасность последних в случае провала (24).

В 1998 г. в Италии и Бельгии проявила себя организация «*Воюющая исламская группа – марокканская*» (ВИГ-М), поставившая себе целью физическое устранение монарха. Идеологией ВИГ-М, как и «Аль-Каиды», является джихад как каноническая обязанность каждого правоверного мусульманина и создание Исламского Халифата (25).

Терроризм радикальных исламистов. 16 мая 2003 г. в самом крупном городе Марокко – Касабланке прогремели пять взрывов: в Доме Испании, в Израильском деловом центре, в консульстве Бельгии, в отеле «Фарах» и на еврейском кладбище. Взрывы прогремели около 10 ч вечера почти одновременно в нескольких кварталах. На улицах было достаточно много людей, поскольку накануне в Марокко праздновался день рождения сына короля. Жертвами атаки террористов стали 39 чел., десятки получили ранения.

Версия относительно терактов в Касабланке была такова. По сообщению испанской газеты El Mundo, которая опиралась на интервью, данное марокканскому телевидению министром юстиции Марокко Мухаммедом Бузубаа, исламские террористы-смертники, осуществившие эти террористические акты, являются членами марокканской исламской организации «Ас-Сират аль-Мустахим» («Праведный путь»), которая связана «с международной террористической сетью» (26).

Для большинства марокканцев, воспитанных официальной пропагандой, теракты в Касабланке стали настоящим шоком, чего нельзя сказать про непред-

взятых наблюдателей, которые уже давно предупреждали о существовании опасной тенденции быстрой радикализации марокканских исламистов (27).

Еженедельник «Gazette du Maroc» объяснил распространение терроризма в Марокко следующим образом. Согласно мнению издания, Марокко сейчас пожинает плоды своей прошлой политики, когда государство закрывало глаза на отправку марокканских муджтахидов в Афганистан. Марокко, как и Саудовская Аравия, находившаяся во времена холодной войны в лагере сторонников США, «исходя из идеологических установок, а также стратегического выбора закрывали глаза, поощряя и даже готовя муджтахидов». Эти страны не учли возможных последствий своих действий. Сейчас, по утверждению еженедельника, Марокко «пожинает эффект бумеранга». При этом «географическая ситуация, определяемая близостью Европы, политический и стратегический выбор Марокко, его открытость международному туризму, проявляемая по отношению к сетям контрабандистов терпимость, а также другие факторы превратили Марокко в идеальную базу для Аль-Каиды и подобных ей организаций» (28).

В 2004 г. в России в свет вышла статья российского политолога В.В. Куделева, в которой ученый сделал несколько прогнозов относительно последствий терактов 2003 г. в Касабланке. Среди таких последствий В.В. Куделев выделил:

- 1) резкое сокращение потока иностранных туристов в Марокко;
- 2) утрату Марокко имиджа одной из самых стабильных стран арабского мира;
- 3) продолжение атак исламистов на Марокко. В статье отмечалось, что, встав на путь конфронтации с властями, радикалы не остановятся. Тем более им есть, где искать новых сторонников, – среди молодых марокканцев с высшим образованием миллионы не имеют работы;
- 4) ситуацию, при которой власть и исламисты нужны друг другу: по мнению исследователя, исламистский террор оказался лучшим аргументом противников демократизации обществ Магриба;
- 5) возможность существования сторонников исламистов в спецслужбах и армии Марокко (29).

Прогноз российского исследователя сбывся в части того, что исламистские организации смогут поднять на борьбу марокканских «дипломированных безработных», которые сформировали «Движение 20 февраля» и вышли на улицы зимой 2011 г. с политическими и социальными лозунгами. «Арабская весна» в Марокко происходила мирно, однако террористы не дремали: 28 апреля в Марракеше был совершен теракт, в результате которого погибли 16 человек (в том числе 8 французов, 2 канадца и 1 голландец), 23 человека получили ранения (30). Некоторые исследователи, журналисты и активисты «Движения 20 февраля» хотели увидеть в теракте событие, выгодное Рабату, поскольку оно могло стать поводом для сворачивания только что начатых демократических реформ и ужесточения мер по борьбе с массовым протестным движением. Но власти не позволили укрепиться такой точке зрения.

Министр информации Марокко Х. Насири, выступая от лица правительства и излагая официальную позицию по поводу взрыва в Марракеше, заявил, что случившееся не поколеблет уверенность марокканских властей в необходимости реформ и не заставит свернуть с избранного пути демократизации и модернизации общества Марокко.

Попытки продолжить террористическую деятельность на территории Марокко радикальные группировки исламского толка предпринимали ранее еще в 2006–2008 гг. Летом 2006 г. марокканские спецслужбы раскрыли и обезвредили группировку «Ансар аль-Махди» («Сторонники Махди»), в планы которой входило физическое уничтожение политических деятелей из числа левых демократов, иностранцев христианского вероисповедания, «плохих мусульман», а также иностранных туристов. В феврале 2008 г. в Марокко была обезврежена исламистская террористическая организация, развернувшая свою деятельность вблизи городов Рабат, Касабланка и Надор. Кроме того, связи с террористами были обнаружены у легально действовавшей с 2005 г. исламистской партии «Аль-Бадиль аль-хадарий» («Гражданская инициатива»), а также у ассоциации «Движение за умму» (31).

Необходимо отметить, что марокканское правительство предпринимает попытки побороть глубинные причины распространения экстремизма и радикального ислама в стране – социально-экономический кризис и бедность. Так, например, началась реализация проектов по строительству социальной инфраструктуры, учебных заведений, создаются рабочие места. Власти намерены добиться полной ликвидации «бидонвилей» как главных рассадников радикальных идей.

Стратегические планы марокканского руководства направлены на всеобъемлющую модернизацию экономики страны, и в их рамках должны быть созданы свободные экономические зоны.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., продемонстрировал зависимость ситуации в арабо-мусульманском мире от глобальных тенденций развития мировой экономики и международных отношений. Кризис, ударивший не только по крупнейшим банкам и холдингам, но и по простому населению, имел одно опасное последствие для Марокко и других государств Ближнего Востока и Северной Африки: произошло усиление влияния исламистских идеологов среди беднейшей части населения (32). Это происходит вследствие того, что исламисты предлагают свое решение структурных социально-экономических проблем («Ислам – это решение»), а также позиционируют себя в качестве защитников исламских ценностей в противостоянии с Западом, сражающимся против ислама.

Еще в годы правления Хасана II стало очевидным, что тактика правительства по поддержке и правых, и левых не привела к отстранению с политической сцены исламистов и падению их популярности.

Как только исламистские партии и организации приобрели легитимность, они быстро и уверенно вернулись в «большую игру». Несмотря на надежды и

чаяния властей, исламизм не ослабил свой натиск, удовольствовавшись некими послаблениями в политической сфере, а напротив, стал стремительно набирать популярность у среднего класса, влияние которого на политику росло.

Грубой ошибкой, которую допустило марокканское руководство в ходе внедрения демократии «сверху», стало то, что оно не пожелало считаться с исламистами как реальными участниками демократического процесса. Видные эксперты в области политики С. Коэн и Л. Джаиди отмечают по этому поводу, что политическая либерализация в Марокко не была успешной, поскольку правительство, не имея возможностей сопротивляться исламизму, приняло решение просто не признавать его роли в протекающих процессах (33).

Важно отметить, что долгие годы марокканскими исламистами двигало не стремление создать исламское государство, а желание изменить существующий социальный и политический порядок, добиться справедливости в тех областях, где отсутствие государственных программ вызывало значительное и неуклонное ухудшение жизни большого числа граждан (34).

Марокканские исламисты не представляют собой единой и однородной общности: одна часть из них требует серьезных политических перемен (вплоть до смены режима) и зачастую использует для достижения своих целей насильственные методы, другая же часть выступает за проведение глубоких социальных преобразований, направленных на укрепление позиций ислама и воспитание стойкого религиозного чувства в каждом члене марокканского общества.

Таким образом, можно констатировать, что исламистские политические течения в Марокко носят умеренный характер, однако они очень настойчивы в деле отстаивания своих взглядов и позиций. Кроме того, в настоящее время исламисты выражают растущее желание олицетворять собой ислам, что до сих пор было прерогативой короля и по «праву крови», и по Конституции.

Однако исламисты четко осознают, что реализация этого стремления не только даст им больше прав и возможностей в политике, но и позволит критиковать монарха и даже соперничать с ним, а это уже будет являться реальной перспективой формирования мощной и действенной оппозиции (35).

К причинам слабости радикального исламизма в Марокко относятся, во-первых, отсутствие поддержки исламистов со стороны сельского населения, которое считает короля, потомка пророка Мухаммеда и представителя шерифской династии, непререкаемым духовным авторитетом и предводителем марокканских правоверных мусульман; во-вторых, отличие политизированного ислама от того ислама, который исповедуют большинство марокканцев; в-третьих, умелая политика марокканского руководства по «обузданиям» исламистов и контролю над их деятельностью (36); наконец, марокканское общество, постепенно привыкающее к адаптированным демократическим принципам и либерализации политической системы, не выражает особого желания жить в условиях достаточно жесткого по своей структуре исламского государства, за создание которого ратуют исламисты. Кроме того, исторически ислам был силой, скрепляющей единство страны, а не рас-

кальвующей ее. Поэтому приход к власти в Марокко радикальных исламистов, стремящихся к коренным преобразованиям в социальной жизни, смене политического режима и геополитической трансформации роли государства, практически сводится к нулю.

ЛИТЕРАТУРА

- (1) *Куделев В.В.* Ситуация в Марокко: февраль 2011 г. // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/12-03-11b.htm>
- (2) *Куделев В.В.* Теракты в Касабланке – новое доказательство радикализации исламистского движения в Марокко? // *Терроризм*. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 46.
- (3) *Куприн А.И.* Власть и исламистская оппозиция в Марокко // *Ближний Восток и современность: Сборник статей*. – Вып. 24. – М., 2004. – С. 236.
- (4) *Куделев В.В.* Теракты в Касабланке – новое доказательство радикализации исламистского движения в Марокко? // *Терроризм*. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 47.
- (5) *Долгов Б.В.* Радикальный исламизм в странах Магриба // *Ближний Восток: вызовы XXI века*. – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2009. – С. 90–91.
- (6) Там же. – С. 91.
- (7) *Michael J. Willis.* Between Alternance and the Makhzen: At-Tawhid wa Al-Islah's Entry into Moroccan Politics // *The Journal of North African Studies*. – 1999. – 4 (№ 3). – P. 56.
- (8) Цит. по: *The Middle East Journal*. – Wash. – V. 40. – Spring 1986. – № 2. – P. 268.
- (9) *Michael J. Willis.* Between Alternance and the Makhzen... – P. 72–73.
- (10) Morocco // *The American Foreign Policy Council's World Almanac of Islamism* // <http://www.almanac.afpc.org/Morocco>
- (11) *Куприн А.И.* Власть и исламистская оппозиция в Марокко... – С. 236.
- (12) Alfred Hackensberger. Die Rolle der Frau muss sich ändern. 17.05.2006 // <http://www.heise.de/tp/r4/artikel/22/22587/1.html>
- (13) *Яссин А.* Правосудие, исламисты и власть. – Б.м., 2001.
- (14) Там же.
- (15) National Democratic Institute. Final Report on the Moroccan Legislative Elections. September 7, 2007.
- (16) Morocco // *The American Foreign Policy...*
- (17) Ibid.
- (18) Ibid.
- (19) *Hamzawy A.* Party for Justice and Development in Morocco: Participation and Its Discontents // *Carnegie Endowment Paper*, July 2008 // <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=20314&prog=zgp&proj=zme>
- (20) Morocco // *The American Foreign Policy...*
- (21) *Бабкин С.Э.* Марокко: о новых тенденциях в исламистском движении // *Терроризм*. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 5.
- (22) Ат-Таджид. – 22.08.2002. – № 5.
- (23) *Бабкин С.Э.* Марокко: о новых тенденциях... – С. 3.
- (24) Там же. – С. 4.
- (25) *Куделев В.В.* Теракты в Касабланке... – С. 47.
- (26) Marruecos asegura que un grupo integrista ilegal perpetró los atentados de Casablanca // <http://www.elmundo.es/elmundo/2003/05/19/internacional/1053299389.html>

- (27) *Куделев В.В.* Теракты в Касабланке... – С. 46.
- (28) *Darif M.* La Griffе sanglante d'Al-Qaïda // La Gazette du Maroc. 19 mai 2003 // http://www.lagazettedumaroc.com/articles.php?id_artl=2573&n=316&sr=532&r=2
- (29) *Куделев В.В.* Теракты в Касабланке... – С. 48–49.
- (30) *Куделев В.В.* Ситуация в Марокко: апрель 2011 г. // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/22-05-11b.htm>
- (31) *Долгов Б.В.* Радикальный исламизм в странах Магриба... – С. 93.
- (32) Там же. – С. 94.
- (33) *Cohen S., Jaidi L.* Morocco: Globalization and its Consequences. – N.Y., Lnd, 2006. – P. 36.
- (34) *Горицкая Г.В.* Исламистские политические организации в контексте демократизации в Марокко // Ближний Восток и современность: Сборник статей. – Вып. 39. – М., 2009. – С. 78.
- (35) Там же. – С. 84.
- (36) *Куприн А.И.* Власть и исламистская оппозиция в Марокко... – С. 240.

ISLAMIC FACTOR IN THE DOMESTIC POLICY OF MOROCCO

L.V. Ponomarenko

The Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukha-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

O.S. Chikrizova

The Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukha-Maklaya str., 10a, 117198, Moscow, Russia

The article touches upon the analysis of Islam's influence on the domestic policy in Morocco, on the establishment and development of Moroccan political system. The authors also go into detail on the activity of moderate and radical Islamists in Morocco, highlighting reasons of unpopularity of radical ideas among Moroccans.

Key words: Morocco, Islam, domestic policy, Islamism, Terrorism, Political Parties.